

УДК 930:001.12

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-102-109

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАБАРДЕ В КОНЦЕПЦИИ В.Х. КАЖАРОВА

Кузьминов Петр Абрамович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, petrakis_hist@bk.ru

В статье анализируются ключевые аспекты концепции В.Х. Кажарова качества общественных отношений в Кабарде. Решение принципиального вопроса прошлого кабардинского народа, определяет оценку уровня цивилизационного развития, качества жизни, вектор движения дореформенного общества. Приняв участие в обсуждении характера общественных отношений, В.Х. Кажаров предложил свою версию развития феодальных отношений у адыгских этнических общностей, которая не противопоставляла общинное и феодальное землевладение, как это делало большинство дореволюционных и советских историков, а нашел возможность объединить их.

Земельные отношения нового типа в пореформенный период не создавались, считает исследователь, искусственным путем в результате внедрения их административным порядком, без учета тех реальных предпосылок, которые сложились и имели место в общине предшествующего времени. Царская администрация на Северном Кавказе, прежде чем проводить преобразования, тщательно изучала соответствующую область общественного быта горцев, стараясь приспособить свои мероприятия к существовавшим уже у них отношениям собственности. Существование здесь общинно-передельного землепользования в дореформенный период облегчило администрации задачу реорганизации местных сельских общин по центрально-русскому образцу.

Ключевые слова: автор, концепция, общественные отношения, землевладение, землепользование, вотчина, крестьянское хозяйство, князь, дворянин.

Валерий Хаширович Кажаров – известный кавказовед-ученый, интересный человек, замечательный друг... Таким он остался в памяти всех близких, друзей, коллег, работавших с ним на ниве познания прошлого.

Проблема качества общественных отношений в Кабарде, в адыгских этнополитических образованиях, у горских народов Северного Кавказа – одна из наиболее дискуссионных. Поскольку от того или иного решения этого принципиального вопроса прошлого народов региона, зависит оценка уровня цивилизационного развития, качества жизни, векторы их движения. Поэтому не случайно по этому вопросу высказывались многие кавказоведы прошлого и настоящего.

Среди них дореволюционные авторы: М. Абаев, Я. Абрамов, К. Атажукин, Ч. Ахриев, Г. Баев, С. Броневский, П. Гаврилов, Н. Гаибов, Н. Грабовский, И. Дебу, Н. Дубровин, Н. Карлгоф, А. Кешев, М. Ковалевский, Н. Красницкий, В. Кудашев, У. Лаудаев, Л. Люлье, Е. Максимов, Ш. Ногмов, К. Сталь, Н. Тульчинский, С. Хан-Гирей, К. Хетагуров, Г. Цаголов, и др.

Советские исследователи: К. Азаматов, Х. Бербеков, Б. Берозов, Р. Бзаров, А. Бижев, М. Блиев, Т. Боцвадзе, С. Бушуев, С. Гаджиева, В. Гаджиев, В. Виноградов, В. Гарданов, Б. Джимов, Ж. Калмыков, Г. Кокиев, Т. Кумыков, Е. Кушева,

Л. Лавров, С. Месяц, И. Мужев, В. Невская, Е. Налоева, Б. Ортабаев, В. Пожидаев, Х. Рамазанов, Н. Смирнов, М. Тотоев, Ф. Тотоев, Н. Тхамоков, Ф. Эдиева много сделали в изучение данной проблемы. Отдельно выделим представителей грузинской историографии Г. Миликишвили, З. Анчабадзе и А. Робакидзе, поставивших вопрос о степени феодализации горских народов, обосновав концепцию «горско-го феодализма».

Современные ученые: С. Айларова, А. Абазов, А. Башиев, Р. Бзаров, В. Виноградов, Б. Виноградов, З. Глашева, К. Дзамихов, Ф. Гутнов, В. Дегоев, В. Кажаров, П. Кузьминов, П. Магаяева, Э. Мужухоева, Е. Муратова, М. Урусова, А. Хасбулатов, Л. Цвижба и другие, затрагивали эту проблему косвенно, в контексте исследования общих проблем кавказоведения. Особо выделим историографические исследования Ф. Гутнова [Гутнов 2007; Гутнов 2008; Гутнов 2014] и К. Дзамихова [Дзамихов 2008].

Среди советских и современных кавказоведов В.Х. Кажаров выделялся оригинальностью видения прошлого, умением синтезировать противоречивый материал, делать взвешенные выводы. Особую роль, по нашему мнению, Валерий Хаширович сыграл в изучении общественных отношений в Кабарде в дореформенный период, обосновав ряд принципиально новых концептов, которые раздвинули рамки сложнейшей кавказоведческой проблемы. Века ее осмысления оставили десятки определений, вычленяющих отдельные аспекты характера общественных отношений. Его понимание «вотчины-общины», при всей парадоксальности дефиниции, будировало интерес научного сообщества, заставляло углубляться в глубь веков. Прекрасно зная современную отечественную и зарубежную историографию адыговедения, отдавая должное представителям старшего поколения, он шел своим путем изучения прошлого....

В 80-е годы XX века известные советские кавказоведы Т.Х. Кумыков и К.Г. Азаматов в ряде статей подвели своеобразный итог изучению аграрных и социальных отношений у горских народов Северного Кавказа первой половины XIX в. [Кумыков, Азаматов 1980, Кумыков, Азаматов 1986]. Особенностью развития общественных отношений у народов Северного Кавказа, по их мнению было то, что «феодальное землевладение тесно переплеталось с общинной собственностью на землю... Наиболее развитыми были земельно-правовые отношения в Кабарде, Кумыкии, Мехтулинском, Дербентском, Кюринском ханствах, Тарковском шамхальстве, в равнинной части Табасарана и Кайтага, у адыгейских, так называемых аристократических народов: темиргоевцев, бесленеевцев, бжедугов. На более низкой ступени развития феодальных отношений стояли горная часть Дагестана (Авария, Лакия, Даргиния, Кайтаг, Лезгиния), Балкария, Карачай, дигорские и тагаурские осетины, а также осетины, переселившиеся на равнину, адыгейские демократические племена, Чечня и Ингушетия, большинство «вольных» обществ Дагестана, Куртатинское и Алагирское общества Осетии [Кумыков, Азаматов 1980: 158]. Феодальная собственность на землю, по мнению ученых, выступала в различных формах: фамильной, семейной и индивидуальной. Доминирующее положение занимала «частно-семейная, которая являлась переходной ступенью от фамильной к индивидуальной. Во многих районах Северного Кавказа произошло юридическое оформление права северокавказских феодалов на землю, создается так называемое наследственное право, следовательно, и частная собственность на землю». Этот тезис высказан Т.Х. Кумыковым и в обобщающем труде [История Кабардино-Балкарской АССР 1967: 200]. Вывод авторов о том, что «наличие фамильной земельной собственности как раз свидетельствует о незавершенности процесса феодализации» [Кумыков, Азаматов 1980: 162, 163], констатирует факт развития общества, но не говорит о степени его развития. В свою очередь, если «произошло юридическое оформление права северокавказских феодалов на землю», являющегося определяющим фактором института собственности в эпоху феодализма,

то почему же «процесс феодализации» ещё не завершился? С другой стороны, в условиях традиционного общества, когда отсутствовало писанное право, как понимать «юридическое оформление права северокавказских феодалов на землю»? Каким образом оно произошло? Какие есть документальные подтверждения этого тезиса?

Рассматривая общинную собственность на землю, авторы выявили четыре формы, характерные для народов Северного Кавказа: 1. Собственность одного селения. В эту категорию входили почти все виды земельных угодий – пастбища, сенокосы, пахотные участки, выгоны, леса. 2. Собственность двух или нескольких селений на пастбища, сенокосы, леса. 3. Земли, принадлежавшие почти всем сельским обществам. Сюда входили лес, горы, пастбищные места. 4. Совместное владение землей со стороны целого народа, т. е. всех сельских обществ, входивших в разные феодальные владения или в разные политические образования. Это были общинные земли (пастбища, сенокосы и часть пахотных), находившиеся в коллективном владении крестьян и феодалов без регулярных переделов [Кумыков, Азаматов 1980: 166–168]. Вторая и третья формы понятны. Коллективная собственность на пастбища, леса, иногда сенокосы была типичным явлением, детально описанным в литературе и источниках. Анализируя формы землевладения, В.Х. Кажаров замечает, что сложнее обстоит вопрос, когда пахотные земли находились в совместном владении крестьян и феодалов. Владение предполагает и распоряжение, и передачу по наследству, и продажу... Что же это за форма собственности и правомерно ли ее называть общинной? Кажется, правильнее сказать – коллективное пользование землей, «поскольку монополия земельная собственность кабардинских пши-уорков, – пишет В.Х. Кажаров, – проявлялась в распоряжении землей не прямо, а через сельскую общину, которая, перестав быть верховным коллегиальным собственником, все же сохранила функции коллективного регулятора и как целое осуществляла права пользования своих членов, но с той принципиальной разницей, что все ее действия теперь были санкционированы властью феодального владельца, совмещавшего в своем лице собственника общесельской земли и пользователя одного из ее наибольших и наилучших участков» [Кажаров 1980: 52].

Продолжив анализ вопросов общественного быта, ученые пришли к выводу, что «основной низовой политической организацией общественного устройства на Северном Кавказе была сельская община, состоявшая из больших и малых семей, ведущих индивидуальное хозяйство» [Кумыков, Азаматов 1986: 6]. Так что же первично? Феодальное землевладение, в соответствии с которым формируются сюзеренно-вассальные отношения различных групп феодалов, или же общинное землевладение, обслуживавшее интересы сельских обывателей? Превалирование второго тезиса архаизирует, занижает характер общественных отношений. Доминирование первого дает нам типичный вариант развитых феодальных отношений в Кабарде, Кумыкии, Бесленее, Камергое и др. Закономерен и следующий вопрос: каким образом сельская община выполняла политические функции в обществе, в котором она принадлежала владельцу аула и без приказа которого она не могла осуществлять даже элементарные хозяйственные работы на земле владельца?

Представляется, что в данном случае система координат марксистско-ленинской методологии, в рамках которой работали исследователи, не позволила «проникнуть» в особенности землевладения и землепользования, а значит, и в способ организации горского феодализма.

Приняв участие в обсуждении вопроса о характере общественных отношений, В.Х. Кажаров предложил свою версию развития феодальных отношений у адыгских этнических общностей [Кажаров 1980; Кажаров 1981; Кажаров 1986], которая не противопоставляла общинное и феодальное землевладение, как это делало большинство дореволюционных и советских историков, а нашел возможность соединить их.

Земельные отношения нового типа в пореформенный период не создавались, считает исследователь, как иногда считают, искусственным путем в результате внедрения их административным порядком, без учета тех реальных предпосылок, которые сложились и имели место в общине предшествующего времени. Царская администрация на Северном Кавказе, прежде чем проводить преобразования, тщательно изучала соответствующую область общественного быта горцев, стараясь приспособить свои мероприятия к существовавшим уже у них отношениям собственности. «Можно полагать, – пишет Кажаров, – что именно существование здесь общинно-передельного землепользования (в дореформенный период. – П.К.) облегчило администрации задачу реорганизации местных сельских общин по центрально-русскому образцу» [Кажаров 1980: 40].

Вместе с тем, в условиях включения Кабарды в социально-политическую систему Российской империи, стремление кабардинских князей и уорков юридически закрепить свои старинные, узаконенные нормами обычного права, привилегии действующими законами империи, встречало противодействие администрации, которая спекулировала на внутренних противоречиях кабардинского общества и каждый раз решала в свою пользу эту «неопределённость» земельных прав феодальных владельцев. Именно с этого времени, подчеркивает В.Х. Кажаров, отчуждение земельных участков в пользу казны аргументируется тем, что «земли в Кабарде составляли более общественное достояние, нежели частные поместные владения» [Кажаров 1981: 67]. Вторжение местной администрации в политические прерогативы князей, аннексия земли под строительство форпостов, крепостей и размещение станиц, подрывали традиционное землевладение в Кабарде и завершились «актом от 20 августа 1863 г.».

90-е гг. XX века, во многом ставшие переломными в осмыслении прошлого горских народов с помощью новых методологических подходов и заметного увеличения документальных источников, стали временем расцвета таланта исследователя-адыговеда.

Процесс сокращения территории и численности кабардинского народа в первой половине XIX в., разрушение всех отраслей хозяйства, потерю независимости Кабарды, произошли, по мнению В.Х. Кажарова, в результате «деструктивного взаимодействия социальных систем (России и Кабарды. – П.К.), находящихся на разных стадиях развития» [Кажаров 1994: 3]. Результатом негативного влияния колониальной политики царизма на жизнедеятельность этноса стал глубокий кризис, «подорвавший всю институциональную инфраструктуру кабардинского феодального общества» [Кажаров 1994: 4].

Поскольку концепт «кризис» был новым понятием в адыговедении, то его надо было не только озвучить, но и привести весомую аргументацию о его существовании. По мнению исследователя, кризис сложился, во-первых, под влиянием административно-политических и судебных преобразований, проведенных в Кабарде российской администрацией [Кажаров В.Х. 1994: 10]. Во-вторых, в результате земельного «утеснения», проявляющегося в аннексии исконных земельных угодий [Кажаров В.Х. 1994: 16–21]. В-третьих, в результате обострения земельных споров и несанкционированных «захватов» земли уорками и князьями [Кажаров В.Х. 1994: 24, 25]. В-четвертых, ослабление иерархической структуры землевладения «разрушало сами формы собственности в Кабарде» [Кажаров 1994: 41]. В-пятых, запрещение российской администрации переселяться аулам, уоркам и князьям с одного места на другое [Кажаров 1994: 41–43] противоречило характеру общественных отношений. Обоснованная теоретически, логически и фактологически, концепция ученого о правомерности категории «кризис института традиционной земельной собственности» была поддержана научным сообществом.

Исследуя процесс функционирования вотчины-общины как основной социальной ячейки кабардинского социума в дореформенный период,

В.Х. Кажаров выделил ее особенности, которые заключались в том, что «... вотчинная земельная собственность дворян условна и ограничена в рамках иерархической структуры землевладения, но внутри вотчины-деревни и, прежде всего, по отношению к непосредственным производителям она полно проявляет свою частнособственническую сущность..., которая носит фамильный характер» [Кажаров 1994: 65]. Наиболее зримо особенности вотчинной земельной собственности проявлялись, пишет В.Х. Кажаров, как ни парадоксально это звучит, в сфере землепользования, где «общинное начало проявлялось столь ярко, что для многих исследователей это обстоятельство заслоняло феодальную земельную собственность» [Кажаров 1994: 86]. Этот парадокс, по мнению автора, обусловлен сложившейся традицией в кабардинской вотчине ежегодно перераспределять землю между жителями, что исключало наследственный характер держаний, и «барская запашка», лишь немного превышающая крестьянскую, оказалась включенной в общую массу земельных наделов. Поэтому «владелец села в результате очередного передела общесельского пахотного клина получал надел, который лишь немного превышал средние размеры крестьянских участков. Ему давалась привилегия составлять полный плуг (из четырех пар быков), тогда как остальные жители села имели право впрягать в плужную упряжку не более трех пар быков» [Кажаров 1994: 87]. Таким образом, складывалась странная ситуация, когда владелец села (къуажэпщ) был пользователем общесельской земли и одновременно полновластным ее собственником. Выясняя причины этого положения, В.Х. Кажаров указал следующие обстоятельства: во-первых, отсутствие у адыгского вотчинника стимулов расширять барский надел и соответственно вести крупное земледельческое хозяйство. Но и при такой постановке проблемы, по нашему мнению, за скобками остается вопрос: почему отсутствовал стимул, ведь именно с желанием получить материальные ценности, сам исследователь связывал второе закрепощение крестьян-вольноотпущенников, а мы отмечали развитие товарно-денежных отношений [Кузьминов П.А., Огузова Д.А. 2017: 81]. Во-вторых, территориальное совмещение вотчины и села. В-третьих, совпадение объектов феодальной земельной собственности и общинного землепользования. В-четвертых, обособление «барской запашки» привело бы к кардинальным изменениям в ее поземельной организации, в соответствии с которыми должна была перестроиться вся ее прежняя структура или же прекратить свое существование, поскольку она не допускает сочетания указанных выше способов взаимодействия военно-управленческих и производственных функций с ведением крупного хозяйства на отдельной территории, не входящей в общесельское пахотное поле. Владелец села не мог, раздваиваясь, одновременно охранять крестьян, контролировать, регламентировать их работу, предотвращать побег и в то же время дублировать эти же функции на своей «барской запашке» и др. [Кажаров 1994: 88–92]. И здесь вновь возникает вопрос: каков характер общественных отношений в концепции В.Х. Кажарова? Если феодальный, то раздваиваться нужды не было. Ведь сам владелец села (къуажэпщ), или его уорк не работал на земле. Ее обрабатывали зависимые крестьяне, как правило, пшитли. В свою очередь, наделение крестьян землей предполагает феодальную ренту в виде натурального оброка или барщины. Если нет, то тогда что? На этот вопрос Валерий Хаширович ответить не успел...

Как известно, в Кабарде были пщы къуажэ, т.е. княжеские аулы и уорк къуажэ – дворянские. В Большой Кабарде из 84 къуажэ только 17 были княжескими [Думанов 1990: 124]. Дворянских, как видим, было в пять раз больше. Характер взаимоотношений между знатью и подвластным населением в них различался или нет? Если да, то как? По данным Х.М. Думанова определенная разница была. В дворянском ауле Эльмурзы Бабукова отсутствовали такие сословия зависимых крестьян, как княжеские чагары и холопы или оги и лагунапыты [Думанов 1990: 129].

Типичным явлением в системе кабардинской феодальной вотчины-общины, в концепции автора, было наличие нескольких мелких вотчин-поместий. «Перед нами, – замечает В.Х. Кажаров, – в сущности, своеобразная «вотчина-в-вотчине»; субвотчина, которая состояла из двора уорка и примыкавших к нему крестьянских дворов, которые в совокупности образовывали квартал в деревне (хъзблэ). Структура земельных участков в ней сводилась к земельному наделу, или «держанию» дворянина, своего рода «барской запашке», которую обрабатывали лагунапыты, и наделам оброчных крестьян (огов)» [Кажаров 1994: 120]. Выражаясь образно, замечает далее автор, мелкие вотчины являлись социальными «атомами» этого общества, а вотчина-община была «молекулой», или основной системообразующей клеткой, связывающей их в единое целое. Вотчина-община выступает и как центральная узловое единица социальных отношений, будучи местом, где они предельно «сгущаются» или «конденсируются». С одной стороны, она входит в уделы, которые также, в свою очередь, могут быть рассмотрены как вотчины князей, а с другой – сама состоит из мелких вотчин, на которых и заканчивается деление вотчинной системы на составные элементы [Кажаров 1994: 122]. Тезис заявлен, по форме оригинален, но фактологически не обоснован. Полученный дворянином «уорктын» или дворянский подарок за «службу» князю или тлекотлешу, уорку первой степени, должен был быть возвращен владельцу в случае «отъезда» дворянина. Каким образом пользователь земли превращался в вотчинника, а значит – владельца, исследователь не поясняет. Отсутствие понятного и логичного «механизма» трансформации «поместья» в «вотчину» ставит еще один знак вопроса под данным положением В.Х. Кажарова.

Перманентное развитие вотчинного принципа в Кабарде привело к тому, что на него, как на образец, как на возможную форму своеобразного социального «лифта», стали ориентироваться и крестьяне. К середине 60-х гг. XIX в. они составляли влиятельную группу крепостников. В архивных документах, пишет В.Х. Кажаров, отмечается, что «представители низших классов кабардинского общества и бывшие холопы, выкупившиеся на волю, сделали едва ли не самыми значительными владельцами крепостных. По своей структуре дворохозяство крестьянина, владевшего крепостными, являлось мелкой **крестьянской вотчиной** (? – П.К.), которая при условии, если ему жаловалось дворянство, могла стать мелкой феодальной вотчиной» [Кажаров 1994: 122]. «Крестьянская вотчина», таким образом, превращается у автора в «феодальную вотчину», которая, в свою очередь, сливается с крестьянской общиной, превращаясь в «вотчину-общину».

Ход исследовательской мысли понятен, но насколько он отражает характер реальных процессов в кабардинском обществе? В соответствии с нормами обычного права кабардинцев (адыгэ хабзэ), действительно, смелый, бесстрашный общинник, совершивший выдающийся поступок, или заплативший значительную сумму своему владельцу мог повысить свой социальный статус и получить звание «уорк-шаотлугуса» – дворянство 4 степени в Кабарде. Деятельность данного социального механизма прослеживается с 60-х гг. XVIII в., но ни один из известных источников не фиксирует право владения землей крестьянина-общинника.

Процессы имущественного и социального расслоения в крестьянской среде, резко усилившиеся в начале 20-х гг. XIX в., привели к увеличению численности крестьян азат-вольноотпущенников вдвое, но они все-таки оказались недостаточно мощными, чтобы вызвать разложение общинного землепользования и формирование частной земельной собственности. Это произошло в результате реформ 60-х гг. XIX в., когда «... в корне изменилось соотношение феодальной земельной собственности и общинного землепользования. Причем их разрыв произошел не путем саморазложения предшествующей вотчины-общины, а через разрушение последней «сверху» и созданием на ее обломках сельской общины по образцу центрально-русской поземельной общины» [Кажаров 1994: 156].

Как видим, результаты аграрных преобразований важны для исследователя все-таки не с точки зрения изменений форм собственности в кабардинском социуме, а разрушения традиционной системы землевладения и землепользования, т.е. деформации внутреннего механизма функционирования вотчины-общины.

Автор ввел в научный оборот новую историческую дефиницию «вотчина-община», выявил и обосновал «кризис традиционной земельной собственности», других общественных институтов. Данные понятия вошли в кабардиноведение, обогатили научный аппарат современных исследований, хотя еще многое в характере общественных отношений в Кабарде требует углубленного изучения.

Оценивая вклад В.Х. Кажарова в изучение сложнейших проблем адыгovedения, группа молодых исследователей отметила, что его «отличают неординарность мышления, граничащая с парадоксальностью, удивительная способность выявлять и формулировать актуальные проблемы, которые обращены не только в прошлое, но и к современности» [Абазов и др.: 7]. По мнению А.Х. Борова и Ю.М. Азиковой, «подлинная новизна и результативность осуществленного В.Х. Кажаровым исследования связаны не с предметом или источниковой базой, а с принципами и методологией анализа. С одной стороны, он последовательно проводит принцип историзма, рассматривая свой предмет не как раз и навсегда данный, «застывший» вне времени и пространства, а в «динамике» и в связи со сложной совокупностью общественных и политических отношений изучаемого периода. С другой стороны, он отвергает логику упрощенного эволюционизма и последовательно реализует системный подход, в рамках которого структурно-функциональный анализ не подчиняется историко-генетическому методу, а координируется с ним» [Боров, Азикова: 6].

Проведенный анализ отдельных изысканий В.Х. Кажарова показывает, что им проделана серьезная работа в области исследования характера общественных отношений в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX в. Выявлены новые механизмы развития общества, обоснованы новые идеи, изучение которых покажет, насколько далеко могут пройти адыгovedы по намеченному пути. Но ... это не финиш, и даже не середина исследования дореформенного кабардинского общества. Это первые шаги, которые будут осмысливаться и пересматриваться как последователями Валерия Хашировича, так и его оппонентами.

Источники и литература

1. Абазов А.Х., Губжосков М.Н., Прасолов Д.Н., Рахаев Дж.Я., Унарокова М.Ю. Проблемы истории и этнографии адыгов в работах В.Х. Кажарова // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Изд-во ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 7–44.
2. Боров А.Х., Азикова Ю.М. Концепция раннего государства в современной политической антропологии // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. Вып. VII. С. 3–41.
3. Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. В 3 ч. Ч. 1. Владикавказ: Ир, 2007. 319 с.; Ч. 2. Владикавказ: Ир, 2008. 287 с.; Ч. 3. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 494 с.
4. Дзамихов К.Ф. Отечественная историография социально-экономического строя Кабарды в прошлом // Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 671–808.
5. Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX в. Нальчик: Эльбрус, 1990. 262 с.
6. История Кабардино-Балкарской АССР. В 2-х т. / Под ред. Т.Х. Кумыкова. М.: Наука, 1967. Т. 1. 440 с.
7. Кажаров В.Х. О системе регулирования землепользования в кабардинской сельской общине (первая половина XIX в.) // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 28–53.

8. Кажаров В.Х. К вопросу о феодальных привилегиях в общинном землепользовании в первой половине XIX века // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик: КБИИФиЭ, 1981. С. 65–80.

9. Кажаров В.Х. К вопросу о дуализме кабардинской сельской общины в предреформенный период // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик: КБИИФиЭ, 1986. С. 22–45.

10. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 438 с.

11. Кузьминов П.А., Огузова Д.А. Трансформация социального статуса адыгского крестьянства в традиционном обществе (конец XVIII – первая половина XIX века) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 80–87.

12. Кумыков Т.Х., Азаматов К.Г. Особенности земельных отношений у народов Северного Кавказа в первой половине XIX века // Социально-экономические проблемы Российской деревни. Ростов-на-Дону: РГУ, 1980. С. 157–169.

13. Кумыков Т.Х., Азаматов К.Г. Некоторые вопросы общественного быта народов Северного Кавказа в первой половине XIX века // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик: КБИИФиЭ, 1986. С. 5–21.

SOCIAL RELATIONS IN KABARDA IN THE CONCEPTION OF V.H. KAZHAROV

Kuzminov Pyetr Abramovitch, Doctor of History, Professor of the Department of History of Russia, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, petrakis_hist@bk.ru

The article analyses the key aspects of V.H. Kazharov 's conception of the quality of public relations in Kabarda. The solution of this fundamental issue of the past of the Kabardian people determined the assessment of the level of the civilized development, the quality of life, the vector of the movement of the pre-reform society. The researcher refused to go a well-trodden road in historiography and offered his vision problem.

Having participated in the discussion of the nature of social relations, V.H. Kazharov offered his version of the development of feudal relations in the Adyg ethnic communities, which did not contrast communal and feudal land ownership, as most pre-revolutionary and Soviet historians did, but found an opportunity to connect them.

The researcher thinks that the land relations of a new type were not created in the post-reform period, as it is sometimes considered, artificially as a result of their introduction them by the administrative order, without taking into account the real prerequisites that were developed and took place in the community of the previous times. The royal administration in the North Caucasus, before carrying out the transformations, carefully studied the relevant area of social life of the Highlanders, trying to adapt its activities to the existing relations of property. The existence of community-transferred land which was used here during the pre-reform period made it easier for the administration to reorganize local rural communities according to the Central Russian model. “

Keywords: author, conception, social relations, land ownership, land use, fief (feudal estate), peasant economy, prince, nobleman.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-98-101-109